

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.030-039

А. Ю. Ключников*

Верховенство права в консультативных заключениях и решениях Международного Суда ООН

Аннотация. Концепция верховенства права имеет важное значение как для внутреннего права государств, так и в международном праве. На практике некоторые трудности порождает отсутствие точного определения ее содержания. Бытует мнение, что на эту концепцию легче ссылаться, чем определить ее содержание. Проблема обозначена в документах Организации Объединенных Наций (ООН). В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16.09.2005, в разделе, посвященном принципу верховенства права, подчеркивается необходимость всеобщего его соблюдения и применения как в национальных правовых порядках, так и в международном праве. В документах, принятых под эгидой ООН, также отмечается важная роль, которую играет Международный Суд ООН (МС) в реализации этой концепции. Единообразное и беспристрастное применение судом права является отражением идеи верховенства права. Вся деятельность МС как одного из главных органов ООН служит укреплению и продвижению этой концепции. Принимая решения и консультативные заключения, суд вносит свой вклад в разъяснение и усиление влияния международного права на отношения между государствами. Развитие идеи верховенства права также влияет на деятельность органов ООН, повышая предсказуемость их деятельности. МС в своей практике придает ему исключительную легитимность и широкую сферу действия, за счет чего верховенство права способствует реализации целей и принципов ООН. Вклад Суда в продвижение концепции особенно заметен в рамках текущей деятельности по мирному разрешению международных споров, разъяснению и распространению международного права, его применению на равной основе ко всем субъектам.

Ключевые слова: Международный Суд ООН; верховенство права; резолюция; решение; международное право; правотворчество; правоприменение.

Для цитирования: Ключников А. Ю. Верховенство права в консультативных заключениях и решениях Международного Суда ООН // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 30–39. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.030-039.

The Rule of Law in Advisory Opinions of the International Court of Justice

Andrey Yu. Klyuchnikov, Judge, Pravoberezhny District Court of the city of Lipetsk; Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ul. Internatsionalnaya, d. 3, Lipetsk, Russia, 398050
andrew19871961@mail.ru

Abstract. The concept of the rule of law is important both for the domestic law of States and in international law. In practice, some difficulties arise due to the lack of an accurate definition of its content. There is an opinion that it is easier to refer to this concept than to define its content. The problem is indicated in the documents of the United Nations (UN). The UN General Assembly resolution of 16 September 2005, in the section devoted

© Ключников А. Ю., 2023

* Ключников Андрей Юрьевич, судья Правобережного районного суда г. Липецка, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Интернациональная ул., д. 3, г. Липецк, Россия, 398050
andrew19871961@mail.ru

to the rule of law principle, emphasizes the need for its universal observance and application both in national legal systems and in international law. The documents adopted under the auspices of the UN also highlight an important role played by the International Court of Justice (ICJ) in the implementation of this concept. Uniform and impartial application of law by the court is a reflection of the idea of the rule of law. All the activities of the ICJ as one of the main UN bodies serve to strengthen and promote this concept. By adopting decisions and advisory opinions, the Court contributes to clarifying and strengthening the influence of international law on relations between States. The development of the idea of the rule of law also affects activities of UN bodies, increasing predictability of their activities. In its practice, the ICJ gives it exceptional legitimacy and a broad scope of action, due to which the rule of law contributes to the implementation of the goals and principles of the UN. The Court's contribution to the promotion of the concept is particularly noticeable in the framework of ongoing activities for the peaceful settlement of international disputes, clarification and dissemination of international law and its application on an equal basis to all subjects.

Keywords: International Court of Justice of the United Nations; rule of law; resolution; decision; international law; law-making; law enforcement.

Cite as: Klyuchnikov AYu. Verkhovenstvo prava v konsultativnykh zaklyucheniyakh i resheniyakh Mezhdunarodnogo Suda OON [The Rule of Law in Advisory Opinions of the International Court of Justice]. *Lex russica*. 2023;76(4):30-39. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.030-039. (In Russ., abstract in Eng.).

Понятие верховенства права

Концепция верховенства права важна и для внутреннего права государств, и в международном праве. На практике некоторые трудности порождает отсутствие точного определения ее содержания¹. Проблема обозначена в документах Организации Объединенных Наций². В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16.09.2005, в разделе, посвященном принципу верховенства права, подчеркивается необходимость всеобщего его соблюдения и применения как в национальных правовых порядках, так и в международном праве³. В документах, принятых под эгидой ООН, также отмечается роль, которую играет Международный суд ООН (МС) в реализации этой концепции⁴.

В широком смысле термин «верховенство права» означает, что люди подчиняются закону и обязаны его соблюдать, в узком смысле характеризует отношения властеподчинения. В международной доктрине в отношении концепции верховенства права выделяют формальную и материальную теории.

К сторонникам формальной теории следует отнести Дж. Раза, Л. Фуллера. Первый автор полагает, что понятие «верховенство права» не отождествляется с порядком, «навязываемым властями»⁵. Верховенство права рассматривается как политический идеал, одно из достоинств, которое может характеризовать правовую систему, на основе которой оно будет оцениваться. Не следует отождествлять эту концепцию с понятиями демократии, справедливости, равенства, прав человека. Лежащие в ее основе права должны быть известными, ясными, относительно неизменными при обеспечении независимости судебной власти и права на доступ к правосудию. В соответствии с взглядами, представленными Л. Фуллером, цель закона — подчинить поведение людей определенным принципам⁶. Он указал на восемь условий, выполнение которых необходимо для достижения этой цели и которые фиксируют суть концепции верховенства права: всеобщность права, публичное оглашение закона, запрет ретроактивного применения права, ясность, непротиворечивость, запрет принуждения, неизменность

¹ Лукьянова Е. А. О верховенстве права и о российской внешней политике // Труды по Россияведению. 2014. № 5. С. 305–306.

² The Rule of Law and Transitional Justice in Conflict and Post-conflict Societies: Report of the Secretary-General. S/2004/616 of 3 August 2004. P. 6.

³ World Summit Outcome: Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. A/RES/60/1 of 16 September 2005. P. 134.

⁴ Report of the Special Committee on the Charter of the United Nations and on the Strengthening of the Role of the Organization. A/RES/71/146 of 13 December 2016. P. 8.

⁵ Raz J. The authority of law. Warsaw, 2000. P. 212–213.

⁶ Fuller L. L. The morality of law. Warsaw, 1978. P. 153.

закона, подчинение органов государственной власти в своей деятельности закону.

Материальные теории верховенства права, помимо элементов формальной концепции, имеют также дополнительное содержание. Наиболее распространенная разновидность этой концепции относится к правам индивидов, а ее представителем считается Р. Дворкин. Он утверждал, что люди имеют права и обязанности морального характера во взаимных отношениях, а в вертикальных отношениях «государство-индивид» — политические права. Моральные и политические права признаются в позитивном праве и в случае их нарушения могут по просьбе индивида быть применены судами⁷. С этой точки зрения концепция верховенства права является нормой поведения, которая выражается благодаря принятию соответствующей концепции прав личности. В этом случае не проводится различий между концепциями верховенства права и справедливости. Понятие верховенства права в национальных правовых порядках не следует отождествлять с идеей верховенства права в международном праве.

В правовых порядках некоторых государств эта концепция уже утвердилась, но сомнения возникают по поводу ее содержания.

Британский подход к верховенству права может быть охарактеризован через идеи А. Дайси об управлении правом. По оценке автора, оно включает три взаимосвязанных принципа: верховенство права над произволом власти; равенство перед законом, или равное подчинение закону различных субъектов; признание того, что конституционное право является следствием определенных прав лиц, применяемых судами⁸. В немецком праве эквивалентом британской концепции верховенства права является понятие *Rechtsstaat* («правовое государство»). Предполагается, что государство представляет собой автономную правовую структуру, независимую от определенной формы или характера управления, которая применяется во всех аспектах государственной жизни и которую правительство обязано поддерживать⁹. Идея

Rechtsstaat основана на отношениях, существующих между правовой системой и государством. Одним из основополагающих принципов *Rechtsstaat* является равное соотношение субъектов правоприменения и права.

Такие понятия, как *rule of law*, *Rechtsstaat*, *stato di diritto*, которые были выделены в определенном историческом, социальном и политическом контексте, относятся к принципам конституционных правовых порядков государств, а именно: подчинение власти закону, гарантии прав и свобод отдельных лиц, разделение властей между политическими институтами государств. В контексте международного права концепция *rule of law* относится к характеристикам, присущим международному правовому порядку, например в сфере защиты прав человека. Это означает, что адресаты норм международного права должны соблюдать предписывающие положения этой системы права.

Действия субъектов международного права основаны на праве, а не на произвольной власти. Разрешение любых споров осуществляется на основе права, а не силы, и закон может и должен служить достижению социальных целей таким образом, чтобы не нарушать свободу и достоинство личности. В международном праве эта идея реализуется в той мере, в какой государства действительно соблюдают нормы международного права.

В практике ООН понятие «верховенство права» относится к способу реализации властных полномочий и означает, что все лица, учреждения и институты, включая государство, охраняют вступивший в силу закон, который в равной мере соблюдается и применяется независимыми судами, соответствует международным стандартам в области защиты прав человека. Эта концепция требует применения мер, которые способствуют соблюдению следующих принципов: равенство перед законом, ответственность за нарушение закона, справедливое соблюдение закона, разделение властей, участие в процессе принятия решений, определенность закона, борьба с произволом, процессуальная и правовая прозрачность¹⁰. Таким

⁷ Dworkin R. *A Matter of Principle*. Oxford, 1985. P. 11–12.

⁸ Dicey A. V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis, reprint, originally published: 8th ed. London, 1915. P. 115–116.

⁹ Чиркин В. Е. Правовое государство и верховенство права: язык и содержание // Государство и право. 2016. № 9. С. 8.

¹⁰ Фомин А. А. Судебное познание и истина в свете реализации конституционных принципов состязательности и презумпции невиновности // Современное общество и право. 2016. № 4 (25). С. 41.

образом, можно сделать вывод, что концепция верховенства права имеет свое происхождение в национальных правовых порядках. Однако это не означает, что применение этой концепции в международно-правовой плоскости не должно учитывать специфику наднационального, регионального или международного правовых порядков. Суть принципа верховенства права в международном праве заключается в ограничении власти суверенных государств действием правовых норм.

Концепция верховенства права в консультативных заключениях и решениях Международного Суда

Развитие международного права, отдельных его институтов, включая верховенство права, через материальные унифицированные нормы международных договоров нельзя назвать динамичным процессом международного нормотворчества ввиду длительной процедуры согласования воли первичных субъектов международного права. Резолюции органов ООН, акты «мягкого права» носят рекомендательный характер, не являются источниками прямого действия в национальных правовых порядках государств, поэтому не способствуют активному становлению института верховенства права. В этой связи отдельные компоненты концепции верховенства права, вытекающие из общетеоретических подходов к ней, наполняются, а институт развивается за счет практики МС ООН.

Суд последовательно анализирует особенности реализации элементов верховенства права в отдельных его институтах — мирного урегулирования международных споров, управления правом, добросовестного отправления правосудия, государственного иммунитета, определенности права — и отраслях международного права, например в праве международной ответственности, международном гуманитарном праве. Рассмотрим особенности подхода на примере конкретных консультативных заключений и решений МС.

Мирное урегулирование международных споров

Согласно п. 1 ст. 7 Устава ООН, МС представляет собой один из шести основных органов ООН. Выполняя возложенные на него функции, Суд руководствуется целями и принципами, изложенными в его учредительном документе. По смыслу п. 1 ст. 1 Устава целью Суда является поддержание международного мира и безопасности, предотвращение и устранение угроз мирными средствами в соответствии с принципом справедливости. Для выполнения государствами — членами ООН обязательств, вытекающих из п. 3 ст. 2 Устава, и мирного урегулирования международных споров они могут, в соответствии со ст. 33 Устава, в случае возникновения спора, угрожающего поддержанию международного мира и безопасности, передать спор для урегулирования в МС.

Суд посредством решений и консультативных заключений способствует предотвращению конфликтов, поддержанию и восстановлению дружественных отношений между государствами, устранению напряженности, чтобы избежать вооруженных конфликтов. Последующее разрешение спора судебным органом на основе закона означает, что окончательное его урегулирование определяется не политическими или экономическими факторами, а правовыми нормами.

Осуществляя основную функцию — разрешение споров, международные суды вносят существенный вклад в развитие идеи управления правом¹¹.

25 февраля 2014 г., исчерпав дипломатические средства, Коста-Рика обратилась в Суд для урегулирования спора с Никарагуа о делимитации морских районов Карибского моря и Тихого океана¹². Распоряжением МС от 16.06.2016 были назначены два эксперта, которым было поручено установить факты, имеющие отношение к разрешению спора. Действуя в соответствии со ст. 47 Устава, МС постановлением от 02.02.2017 связал дело о делимитации в Карибском море и Тихом океане со спором между теми же государствами по сухопутной границе в северной части острова Портильо (Сухопутная граница в северной части острова

¹¹ Автономов А. С. Международные стандарты верховенства права и их отражение в конституционном принципе разделения власти // Публичное право сегодня. 2022. № 4 (14). С. 34–35.

¹² Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua). Judgement of 2 February 2018. I. C. J. Reports 2018. P. 1.

Портильо — Коста-Рика против Никарагуа)¹³. В постановлении от 02.02.2018 был проведен анализ географического положения спорного района, представлены исторический контекст и мнение экспертов. Суд признал претензии Никарагуа на суверенитет над северной частью побережья острова Портильо приемлемыми. По его оценке, Коста-Рика осуществляет суверенитет над всей северной частью острова Портильо с определенными ограничениями, и Никарагуа, создавая и сохраняя военные лагеря на территории Коста-Рики, нарушает ее суверенитет. МС также указал Никарагуа на необходимость убрать эти лагеря. Суд определил место прохождения границы между Коста-Рикой и Никарагуа в водных акваториях. Решение Суда от 02.02.2018 является очередной попыткой мирного урегулирования спора между этими двумя государствами, поскольку еще в 1888 г. усилиями президента США Г. Кливленда было принято арбитражное решение.

С 2005 г. стороны передали в МС четыре спора относительно прохождения сухопутной границы по реке Сан-Хуан, как это установлено договором 1858 г., и объема определенных в нем прав для целей судоходства. Положения договора, целью которого было положить конец спору между Коста-Рикой и Никарагуа, стали источником многочисленных недоразумений между этими странами. Суд дважды до этого — в 2009 и 2015 гг. — разрешал споры между ними¹⁴. Сочетание проблем делимитации морских районов в Карибском и Тихоокеанском регионах со спором о сухопутной границе в северной части острова Портильо укрепило принцип надлежащего управления в отправлении правосудия.

Концепция добросовестного отправления правосудия считается неотъемлемым элементом судебной функции, которая может играть важную роль в регулировании судопроизводства, в обеспечении справедливости в суде. Эксперты установили нестыковки в конфигу-

рации линии побережья, водных протоков, соединяющих реку Сан-Хуан с лагуной Портильо, выявили точки, по которым разграничиваются морские акватории, что позволило МС разрешить спор.

В другом споре — между Демократической Республикой Конго и Угандой относительно вооруженных сил Конго (вооруженные действия на территории Конго — Конго против Уганды, от 19.12.2005) — Суд после тщательного и беспристрастного изучения фактов, применив высокие стандарты, принял решение, что Уганда нарушила запрет на угрозу силой или ее применение, принцип невмешательства, предоставила военную, материально-техническую и экономическую поддержку нерегулярным силам, действующим на территории Конго¹⁵. Народные силы обороны Уганды нарушили международное гуманитарное право и нормы в области права прав человека. Суд также постановил, что Уганда, разграбляя и эксплуатируя ресурсы Конго, не выполняя свои обязательства перед оккупируемой державой, нарушила свои обязательства по международному праву. МС обязал Уганду выплатить компенсацию за причиненный ущерб. Международные договоры, которые нарушила Уганда, были призваны сохранить идею верховенства права между соседними странами. Они являются фундаментом, на котором держится весь международный правовой порядок. Эти договоры налагали на государства-участники обязательство поддерживать взаимные отношения, основанные на общечеловеческих ценностях, в том числе запрет угрозы силой или ее применения, уважение территориальной целостности, прав человека и норм международного гуманитарного права, мирное урегулирование международных споров. Вывод Суда об ответственности Уганды за нарушение запрета на угрозу силой или ее применение был призван способствовать сокращению применения силы африканскими государствами в Районе Великих озер.

¹³ Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua). Order of 2 February 2017. I. C. J. Reports 2017. P. 16–17.

¹⁴ Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua). Judgement of 13 July 2009. I. C. J. Reports 2009. P. 213 ; Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica), Proceedings joined with Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua) on 17 April 2013. Judgement of 16 December 2015. I. C. J. Reports 2015. P. 665.

¹⁵ Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda) Judgement of 19 December 2005. I. C. J. Reports 2005. P. 168.

¹⁶ Ключников А. Ю. О правотворческой роли международных судов // Российское правосудие. 2018. № 6 (146). С. 49–50.

Ясность, определенность и развитие международного права

Во многих отраслях международного права его нормы сформулированы обобщенно и нечетко. Хотя МС, по смыслу пп. d п. 1 ст. 38 Статута Суда, не занимается правотворчеством в классическом понимании¹⁶, однако следует отметить, что своими решениями и консультативными заключениями он вносит существенный вклад в уточнение и даже формулирование правовых норм во многих областях международного права. Как правило, Суд принимает во внимание ранее вынесенные постановления и консультативные заключения. Они отражают устоявшуюся практику Суда, способствуют обеспечению правовой определенности, которая является неотъемлемой чертой надлежащего отправления правосудия. Суд внес вклад в выявление норм международного права, в том числе в сферах государственного иммунитета, защиты прав человека, установления взаимоотношений между отдельными отраслями этого права, например договорного права, права международной ответственности, права прав человека, международного гуманитарного права (дело о юрисдикционных иммунитетах государства — Германия против Италии: вмешательство Греции, 2012 г.¹⁷).

В этом постановлении Суд, ссылаясь на работу Комиссии международного права (КМП), констатировал, что государственный иммунитет является институтом обычного международного права, прочно зарекомендовавшим себя в практике государств. Этот институт вытекает из принципа суверенного равенства государств, который, согласно п. 1 ст. 2 Устава ООН, является одним из основополагающих принципов международного права. Суд подтвердил обычный характер государственного иммунитета также в отношении военных преступлений и преступлений против человечности. На основании своего постановления от 14.02.2002 относительно ордера на арест (ордер на арест от 11.04.2000 — Конго против Бельгии) МС заявил, что вопрос о государственном иммунитете не-

сит процессуальный характер, поэтому должны применяться правила, действующие на момент текущего разбирательства в итальянских судах, а не действовавшие во время Второй мировой войны. Суд также подчеркнул, что государственный иммунитет по умолчанию не вступает в соподчинение с нормами *jus cogens*. По оценке МС, между этими двумя группами норм нет коллизии, поскольку нормы *jus cogens* носят материальный характер, а государственный иммунитет — процессуальный. Позиция Суда в этом отношении подтверждается судебной практикой и наукой международного права¹⁸.

Решение МС подчеркивает важность норм о государственном иммунитете в международном праве и может способствовать унификации практики национальных судов в этом отношении. Кроме того, Суд коснулся вопроса о соотношении государственного иммунитета и норм *jus cogens*. В споре между Бельгией и Сенегалом от 20.07.2012, касающемся обязательств преследовать в судебном порядке лиц, совершивших серьезные международные преступления («Вопросы, касающиеся обязательства осуществлять судебное преследование или выдавать, вытекающие из Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», от 10.12.1984)¹⁹, МС определил их как обязательства *erga omnes*: каждое государство — участник Конвенции заинтересовано в соблюдении обязательств, вытекающих из Конвенции. Ссылаясь на консультативное заключение об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, он отметил, что в этом контексте положения Конвенции 1984 г. аналогичны положениям Конвенции 1948 г. Стороны таких конвенций не заинтересованы в выполнении своих обязательств, а имеют общий интерес. В деле о проекте Габчиково — Надьямарош (Венгрия v. Словакия, 1997 г.) МС определил соотношение права международных договоров и права международной ответственности государств²⁰.

¹⁷ Jurisdictional immunities of the state (Germany v. Italy: Greece intervening) Judgment of 3 February 2012. I. C. J. Reports 2012. P. 38.

¹⁸ Talamon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25. № 4. P. 999.

¹⁹ Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgement of 20 July 2012. I. C. J. Reports 2012. P. 442.

²⁰ Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia). Judgment of 25 September 1997. I. C. J. Reports 1997. P. 47.

Суд подтвердил, что договорное право и право международной ответственности имеют разные области применения²¹. Право договоров определяет, является ли договор юридически обязывающим, надлежащим образом приостановленным или прекращенным. С другой стороны, право международно-правовой ответственности государства позволяет определить, в какой степени приостановление или денонсация договора, вопреки праву договоров, влечет за собой ответственность государства. 9 июля 2004 г. по делу о законности строительства стены на территории оккупированной Палестины (Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории) МС обратился к вопросу о соотношении международного гуманитарного права и права прав человека. Суд заявил, что возможны три ситуации: исключительное применение норм международного гуманитарного права, исключительное применение права прав человека или конкретные права, подпадающие под действие обеих областей международного права. Международное гуманитарное право — это *lex specialis*. МС также вносит свой вклад в разъяснение правовых норм во многих областях международного права, находящихся в юрисдикции специализированных международных судов и трибуналов. В последние годы можно наблюдать всё более частые ссылки международных судов на решения МС.

В решении от 23.09.2017 по спору о делимитации морской границы между Ганой и Кот-д'Ивуаром в Атлантическом океане (Гана против Кот-д'Ивуара) специальная палата Международного трибунала по морскому праву в отношении наличия или отсутствия молчаливого согласия сторон на разграничение морских акваторий неоднократно ссылалась на решения МС, в том числе на решение МС от 08.10.2007 по территориальному и морскому спору между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море (Никарагуа против Гондураса) и решение Международного суда от 27.01.2014 по делу о морской границе между Перу и Чили (морской спор — Перу против Чили). При вынесении консультативных заключений или постановлений МС для укрепления выработанной позиции также ссы-

ляется на практику специализированных судов или международных организаций. В решении от 30.11.2010 по делу Амаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Конго), устанавливающим условие законной высылки иностранцев в контексте положений ст. 13 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 4 ст. 12 Африканской хартии прав человека и народов, МС сослался на практику Комитета по правам человека. Суд подчеркнул, что, хотя он и не связан толкованием положений Пакта Комитетом, ему следует уделять особое внимание толкованию, сделанному независимым органом, созданным для надзора за надлежащим применением положений Пакта.

Такие действия будут способствовать обеспечению ясности, согласованности и определенности международного права²². Суд в этих целях ссылается на практику иных международных органов, например КМП. В решении по делу Габчиково — Надьямарош Суд сослался на проекты статей КМП о международно-правовой ответственности государств в отношении состояния необходимости и индивидуальных ответных мерах как на обстоятельства, исключющие ответственность государства. В решении о юрисдикционных иммунитетах государства он сослался на работу КМП над Конвенцией о юрисдикционном иммунитете государства и его собственности. В консультативном заключении от 29.04.1999 по вопросу, касающемуся различий в отношении юрисдикционного иммунитета специального докладчика Комиссии по правам человека (разница, касающаяся иммунитета от судебного процесса специального докладчика Комиссии по правам человека), Суд сослался на общепризнанный принцип международного права, содержащийся в ст. 6 проекта статей о международно-правовой ответственности государства в первой редакции, согласно которому поведение любого государственного органа является деянием (поведением) этого государства. Во многих решениях Суд также ссылался на работу Комиссии в контексте толкования договорных положений. В решении от 20.04.2010 по делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) МС сослался на подготовительную работу Комиссии

²¹ Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2 (61). С. 24–25.

²² Ключников А. Ю. О верификации государствами решений международных судов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 4. С. 172–173.

по ст. 57 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. о приостановлении действия договора²³. Эти суды могут сотрудничать друг с другом в целях уточнения и гармонизации международного права.

Равенство перед законом

Согласно п. 1 ст. 34 Статута МС, только государства могут быть сторонами разбирательства в Суде. При принятии консультативного заключения уполномоченными действовать в МС субъектами являются определенные международные органы и организации. Физические лица не имеют статуса участников международной судебной системы в таких разбирательствах, а это означает, что принцип равенства сторон не соблюдается. Этот вопрос был одним из вызвавших много споров в контексте пересмотра решений административных судов.

В соответствии с положениями ст. 11 Статута Административного трибунала ООН и ст. 12 Статута Административного трибунала Международной организации труда, указанные в нем органы в определенных случаях могли запросить у МС принятия консультативных заключений относительно пересмотра постановлений трибуналов.

По ряду дел был выдвинут аргумент об отсутствии равенства сторон в судебном разбирательстве, чтобы продемонстрировать отсутствие у МС компетенции выносить заключения. С 1955 г. МС вынес три консультативных заключения при пересмотре решений Трибунала Международной организации труда и два заключения по решениям Административного трибунала ООН. В консультативных заключениях МС обратил внимание на два типа «неравенства» сторон, которые возникали в процессе вынесения консультативных заключений по пересмотру решений административных судов.

Во-первых, существует неравенство сторон в доступе к консультативной процедуре перед МС, поскольку в соответствии с положениями уставов трибуналов субъектом, имеющим право обращаться с просьбой о выдаче консультативного заключения, были органы (структуры) организации, а не работники. Во-вторых, существует неравенство при рассмотрении дел в МС, поскольку физические лица, согласно ст. 96

Устава и п. 1 ст. 65 Статута МС, не имеют права обращаться в Суд с консультативным запросом. Однако по смыслу п. 1 ст. 34 Статута МС государства — единственные субъекты, уполномоченные предстать перед Судом. МС подтвердил, что между ЮНЕСКО и ее должностными лицами существует определенное неравенство сторон, но это не означает отсутствия равенства в консультативном разбирательстве. Неравенство сторон в судебном разбирательстве возникло до того, как МС попросили вынести консультативное заключение. Таким образом, это «прежнее неравенство», состоящее в лишении лиц права требовать пересмотра решения, является номинальным по отношению к соблюдению этого принципа в консультативном производстве. В этом и последующих консультативных заключениях по пересмотру решений административных трибуналов МС подчеркивал, что требование соблюдения принципа равенства сторон, вытекающее из принципа надлежащего отправления правосудия, будет сохранено за счет включения позиций, представленных отдельными лицами в ходе разбирательства в административных судах, и заявлял об отмене устной фазы в консультативном производстве в МС²⁴.

В консультативном заключении 2012 г. Суд, ссылаясь на общие комментарии Комитета по правам человека, подчеркнул значительное развитие принципа равенства сторон в доступе к правосудию. В свете общего комментария № 32 Комитета, процитированного МС, принцип равенства в доступе к правосудию и в ходе судебного разбирательства означает право использовать средства правовой защиты на равных условиях, за исключением случаев, когда существуют объективные и обоснованные обстоятельства, оправдывающие отхождение от этого принципа. Суд также признал, что он обязан, насколько это возможно, обеспечить применение принципа равенства в консультативном производстве.

Выводы

Генеральная Ассамблея ООН в резолюции от 13.12.2016 призвала государства, которые еще

²³ Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Judgment of 20 April 2010. I. C. J. Reports 2010. P. 141.

²⁴ Application for Review of Judgment № 158 of the United Nations Administrative Tribunal : Advisory Opinion of 12 July 1973. I. C. J. 166. P. 193–196.

не согласились с юрисдикцией МС, признать ее. Консультативные заключения МС не имеют обязательной юридической силы, не разрешают споры между государствами, но представляют собой юридическую помощь и руководство для запрашивающих ее органов. Значительная часть этих консультативных заключений касалась толкования положений Устава ООН. Эти заключения внесли значительный вклад в развитие права международных организаций. Всё чаще консультативные заключения касаются сложных политических вопросов. На эту тенденцию указывает запрос Генеральной Ассамблеи ООН о выдаче консультативного заключения в деле о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г.²⁵

Для укрепления концепции верховенства права важны способы аргументации позиции, принятой Судом. Аргументы должны представляться четко и последовательно, позволять сторонам спора и представителям сторон понять мотивы, которыми руководствовался МС. Качество доводов Суда, убедительный их характер напрямую влияют на исполнение его решений и соблюдение консультативных заключений. Это повышает юридический и моральный авторитет заявлений МС. В этом контексте некоторые

представители науки международного права утверждают, что Суд чрезмерно консервативен.

Разрабатываемая международными судами, включая МС, концепция верховенства права понимается в широком смысле, охватывает процессы правотворчества и правоприменения. Она используется равно в отношении всех государств, международных организаций, включая ООН и ее основные органы. Их действия и акты должны основываться на уважении, поощрении верховенства права и справедливости. Независимость судебной власти, ее беспристрастность и добросовестность являются предпосылками обеспечения законности и недискриминации при отправлении правосудия²⁶. Наилучший для МС способ защищать и продвигать идею верховенства права — это добросовестно и беспристрастно применять международное право в спорах, разрешаемых Судом, и в процедурах принятия консультативного заключения.

МС также заботится о правильном восприятии своих решений и их распространении. Выполняя возложенные на него функции, Суд способствует развитию международного права. Он обеспечивает предсказуемость, последовательность и преемственность правоприменения. Он воплощает в себе концепцию верховенства права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автономов А. С. Международные стандарты верховенства права и их отражение в конституционном принципе разделения власти // Публичное право сегодня. — 2022. — № 4 (14). — С. 29–64.
2. Ключников А. Ю. О верификации государствами решений международных судов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2018. — Т. 4. — № 4. — С. 169–176.
3. Ключников А. Ю. О правотворческой роли международных судов // Российское правосудие. — 2018. — № 6 (146). — С. 47–53.
4. Ключников А. Ю. Основные подходы к определению компетенции международными судами // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 128–143.
5. Лукьянова Е. А. О верховенстве права и о российской внешней политике // Труды по руссиеведению. — 2014. — № 5. — С. 303–326.
6. Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. — 2020. — Т. 18. — № 2 (61). — С. 6–30.
7. Фомин А. А. Судебное познание и истина в свете реализации конституционных принципов состязательности и презумпции невиновности // Современное общество и право. — 2016. — № 4 (25). — С. 39–44.

²⁵ Legal consequences of the separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965 : Advisory Opinion of 22 June 2017. A/RES/71/292. P. 169.

²⁶ Ключников А. Ю. Основные подходы к определению компетенции международными судами // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 128–143.

8. Чиркин В. Е. Правовое государство и верховенство права: язык и содержание // Государство и право. — 2016. — № 9. — С. 5–10.
9. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. — Indianapolis, reprint, originally published: 8th ed. London, 1915.
10. Dworkin R. A Matter of Principle. — Oxford, 1985.
11. Fuller L. L. The morality of law. — Warsaw, 1978.
12. Raz J. The authority of law. — Warsaw, 2000.
13. Talamon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished // Leiden Journal of International Law. — 2012. — Vol. 25. — № 4. — P. 979–1002.

Материал поступил в редакцию 7 января 2023 г.

REFERENCES

1. Avtonomov AS. Mezhdunarodnye standarty verkhovstva prava i ikh otrazhenie v konstitutsionnom printsipe razdeleniya vlasti [International standards of the rule of law and their reflection in the constitutional principle of separation of powers]. *Public Law Today*. 2022;4(14):29-64. (In Russ.).
2. Klyuchnikov AYu. O verifikatsii gosudarstvami resheniy mezhdunarodnykh sudov [On verification by States of decisions of international courts]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2018;49(4):169-176. (In Russ.).
3. Klyuchnikov AYu. O pravotvorcheskoy roli mezhdunarodnykh sudov [On the law-making role of international courts]. *Russian Justice*. 2018;6(146):47-53 (In Russ.).
4. Klyuchnikov AYu. Osnovnye podkhody k opredeleniyu kompetentsii mezhdunarodnymi sudami [The main approaches to the definition of competence by international courts]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2019;5(3):128-143. (In Russ.).
5. Lukyanova E A. O verkhovnstve prava i o rossiyskoy vneshney politike [On the rule of law and on Russian foreign policy]. *Trudy po rossiavedeniiu*. 2014;5:303-326. (In Russ.).
6. Malinovsky A, Tricoz E. Mezhdunarodnoe dogovornoe normotvorchestvo kak politicheskiy protsess [International treaty rulemaking as a political process]. *International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]*. 2020;18-2(61):6-30. (In Russ.).
7. Fomin AA. Sudebnoe poznanie i istina v svete realizatsii konstitutsionnykh printsipov sostyazatelnosti i prezumpitsii nevinovnosti [Judicial cognition and truth in the light of the implementation of the constitutional principles of competition and the presumption of innocence]. *Modern Society and Law*. 2016;4(25):39-44. (In Russ.).
8. Chirkin VE. Pravovoe gosudarstvo i verkhovstvo prava: yazyk i sodержание [The rechtsstaat and the rule of law: the language and content]. The rule of law and the rule of law: language and content]. *State and Law*. 2016;9:5-10. (In Russ.).
9. Dicey AV. Introduction to the Study of the Law of the Constitution, Indianapolis, reprint, originally published: 8th ed. London; 1915.
10. Dworkin R. A Matter of Principle. Oxford; 1985.
11. Fuller LL. The morality of law. Warsaw; 1978.
12. Raz J. The authority of law. Warsaw; 2000.
13. Talamon S. Jus Cogens after Germany v. Italy: Substantive and Procedural Rules Distinguished. *Leiden Journal of International Law*. 2012;25(4):979-1002.